

Какое простое слово.

Мы не обращаем внимания на него в детстве. Воспринимаем как просто какой-то пустой звук.

НИКОГДА...

Оно для нас ничего не значит. Это то же самое, что и произносимые нами слова: потом, позже, успею еще, сделаю когда-то. Но когда нас оглушает (именно оглушает) **НИКОГДА**, то уже не бывает: потом, позже, успею... И начинаешь осознавать, и то не сразу, какое емкое слово **НИКОГДА...**

Емкое, весомое, монолитное, тяжеловесное.

Оно давит на каждую клетку твоего организма. Оно липнет к рукам и у тебя все просто валится. Ноги врастают в какое-то место, и ты не имеешь возможности двинуться.

НИКОГДА проваливается за шиворот, и ты хочешь сбросить всю одежду и смыть с себя липкое нечто. Ты отключаешься и думаешь, что спишь, но мозг твой продолжает работать и утром, открывая глаза, понимаешь, что всю ночь пытался разобраться в сложившейся ситуации, доказывая самому себе непонятно что, и поэтому тело ломит так, будто ты работал всю ночь, а голова — словно чугунная колода.

Такое случается, когда теряешь близких тебе людей: родственников, друзей...

Мама...

Мы разговаривали с ней несколько дней назад.

Бах! Удар в голову изнутри! Мысль оторвалась, попыталась взлететь...

НИКОГДА...

Словно стрела пронзила мысль, отбросив в сторону, и пригвоздила к оболочке колокола. Он, как и полагается, зазвенел от удара, постепенно переходя в монотонный щемящий гул на низкой ноте. И ты по-

нимаешь, что это летят бомбардировщики и сбрасывают снаряды, которые пробивают твое сердце. Ты хватаешься за левый бок и чувствуешь, что еще немного и оно разорвется на мелкие кусочки, а в легких не хватает воздуха, потому что его весь выкачали из этой комнаты, и ты сейчас задохнешься. Распахиваешь из последних сил окно и валишься на диван, постепенно осознавая, что авианалет прекратился и кто-то, сжалившийся над тобой, вновь стал закачивать воздух в помещение, хоть и слишком маленькими порциями, но все же...

Ты смотришь в потолок и видишь там слово **НИКОГДА**...

НИКОГДА больше мама не улыбнется тебе, когда ты приходишь домой...

НИКОГДА заботливо (а нам кажется, что назойливо) не произнесет: «Сынок, надень все-таки шарфик — осень пришла»...

НИКОГДА мама не испечет свой знаменитый торт «Наполеон», пропитанный до такой степени, что ты, не успев еще толком откусить кусочек, чувствуешь как он уже начинает таять у тебя во рту. Да, это совсем не магазинный «Наполеон», когда приходится, чтобы откусить, некоторое время перетирать зубами, словно какую-то пленку, коржи.

НИКОГДА больше мама не расскажет тебе истории из своей интересной, насыщенной и, в то же время, не легкой жизни — жены военнослужащего. О переездах с места на новое место. О скитаниях по военным городкам. О жизни в лесах Германии, Грузии, на Крайнем Севере или в степях Оренбуржья. Где не всегда находилась работа по специальности, да и вообще порой не было совершенно никакой работы. Поэтому и положенный трудовой стаж не выработала. И когда все ее сверстницы в пятьдесят пять лет пошли на заслуженный отдых, маме пришлось еще четыре с лишним года работать и на пенсию уйти, как мужчинам — в шестьдесят лет.

НИКОГДА теперь мама не вспомнит о своем детстве, о собаке овчарке, которая у нее была, о подругах, о замечательной студенческой поре, о родственниках, о своем брате Иване, моем дяде — капитане Советской Армии, разведчике. Он погиб при освобождении Белоруссии и был представлен к награде — ордену «Красной Звезды».

НИКОГДА. Остро заточенный топор, рассекая со свистом воздух, моментально разрубает тонкую нить — связь с твоим прошлым. И эта нить, как струна лопается на высокой ноте и бьет тебя по вискам. И тебе кажется, что сейчас мозг взорвется изнутри. Ты конвульсивно, в судорогах пытаешься схватить обрывок этой нити и понимаешь, что не в силах дотянуться до этого извивающегося связующего звена, которое словно издеваясь, как во сне, удаляется медленно, неторопливо. До тебя доходит, что это была последняя ниточка, связывающая с предками.

НИКОГДА. Это слово написано на мосту. Ты пытаешься преодолеть эту преграду и бежишь. Однако мост рушится не как в кошмарах — по твоим следам за спиной, а сразу — весь.

НИКОГДА валится в пропасть. Ты падаешь вслед за ним. Вокруг темнота. Страха нет. Есть боль... обида... досада...

БОЛЬ. Щемящая, колющая и всепоглощающая — потеря близкого человека...

ОБИДА. Ты понимаешь, что это произойдет, но надеешься, что еще не скоро. Ты к этому готовишься, настраиваешься. Проходят несколько месяцев и даже несколько лет... Но к этому нельзя подготовиться.

НИКОГДА все равно неожиданно бьет тебя как обухом по голове. Свершилось... Когда-то это должно было случиться...

Тебя пытаются утешить, что человек прожил долгую интересную жизнь. И восемьдесят пять — это очень даже хорошо. И ты это прекрасно понимаешь, но принять не можешь...

ДОСАДА. От того, что не успел что-то рассказать, чем-то поделиться, спросить совета...

НИКОГДА. Ты летишь в темень пропасти, и тебе кажется, что твой мозг все-таки взрывается яркой вспышкой, которая освещает все вокруг и позволяет увидеть на определенном расстоянии еще несколько **НИКОГДА.**

Вот глубоко внизу **НИКОГДА** — это умер мой дедушка Василий Никифорович, воевавший в Первую мировую войну и ослепший, когда немцы применили газовую атаку. Он остался жив, но были затронуты зрительные нервы, поэтому всю жизнь после случившегося (а дожил до 70-х годов 20-го века) дед провел в темноте.

Дом был деревянный. Ни газа, ни водопровода в то время не было. Но дедушка Василий прекрасно на ощупь научился рубить дрова и складывать под навес в поленницу. И сам, не спеша, ходил за водой к колонке за два квартала, часто беря меня с собой с маленьким ведерком, когда мы с родителями приезжали в отпуск, приучая с малолетства к труду. А пока мы двигались по тротуару, он на слух по шагам узнавал соседей и приветствовал их еще издалека...

А через несколько лет появилось еще одно **НИКОГДА** — бабушка Катя. Заботливая, строгая, но справедливая хозяйка дома, где я родился. Все хозяйство, конечно же, было на ней: стирка в тазу с водой из колонки при помощи стиральной доски, уборка дома, походы в магазины за продуктами или в скобяную лавку за керосином. А еще — большой сад, где росли яблоки, груши, сливы, вишни, малина, крыжовник, капуста, огурцы, помидоры, редис, морковка, лук и чеснок... И за всем этим надо было следить. Сажать, пропалывать, а самое главное, поливать из специальных бочек с дождевой водой ведрами.

А какие вкусные бабушка Катя пекла пирожки, ватрушки с творогом и большие пироги! Просто дух захватывало от запаха. Устоять

невозможно! Пальчики облизываешь в прямом смысле этого слова от вытекающего из пирожков малинового варенья или вишневого джема, собственного приготовления...

Бабушка Катя на пару лет пережила дедушку Василия.

И вновь резко, как выстрел, **НИКОГДА!**

Я тогда был маленький. Конечно, переживал. Но мы переезжали в новый городок, куда направляли отца, я шел в очередную школу. Новая обстановка, новый коллектив, новые друзья. А время, как известно, лучший лекарь. В памяти многое осталось, но боль ушла вглубь...

А вот еще одно **НИКОГДА** — это отец.

Навалившееся на меня, обволокло словно туманом. Два года я ходил ошарашенный: работа — дом, работа — дом, работа — дом... И почти ничего не помню из того периода.

Но больше всего в то время я волновался за маму, боясь, что она не вынесет разлуки с мужем, с которым они прожили вместе около пятидесяти лет. Я оставался у нее с ночевкой и почти не спал, находясь в полудреме, а она каждую ночь плакала и разговаривала с отцом.

Это было страшно — казалось, что разум покидает ее. Но мама оказалась настоящей женой офицера, привыкшей стойко переносить все тяготы и лишения.

Спустя какое-то время она пришла, если можно так выразиться, в норму. Смогла прожить еще более шестнадцати лет в здравом рассудке и прекрасной памяти. Сама готовила, стирала, наводила порядок в доме. Радовалась успехам внуков. Мы часто вместе с ней ходили на могилу отца...

НИКОГДА — всего лишь семь разных букв, но какое всеобъемлющее слово... Связь с предками прервалась. Но из этих букв можно составить другие слова: Книга, Кино, Кони, Года, Надо...

НАДО! Падение мое остановилось. Я взмахнул руками и почувствовал, что нахожусь в какой-то вязкой жидкости. Моя связь с предками оборвалась. Но ведь я же предок для своих детей и внуков. Движения руками становились более уверенными — я поднимался на поверхность.

НАДО любить своих родителей, пока они живы, и не забывать о них, когда они уходят.

НАДО рассказывать о них своим детям и внукам.

Никогда. Оказывается не такое уж и страшное слово.

Я всплыл на поверхность и полной грудью глотнул свежего бодрящего воздуха.

НАДО!

Наши родители всегда будут с нами, **ПОКА МЫ О НИХ ПОМНИМ.**

